

ТЕМА НОМЕРА

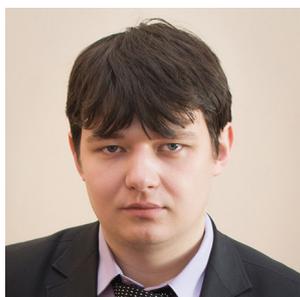
СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов¹

Ссылка для цитирования: Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

For citation: Ushkin S. G., Koval E. A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Ушкин Сергей Геннадьевич

Научный центр социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия

ushkinsergey@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [636470](#)

Коваль Екатерина Александровна

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Саранск, Россия

nwifesc@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [617487](#)

Аннотация. В статье показано, что изучение представлений будущих российских юристов о проективном социальном будущем является актуальной разработкой, поскольку данная социально-профессиональная группа не только предъявляет определённые требования к проективному субъективному социальному благополучию, но и обладает нормотворческим потенциалом для преобразования и нормативного конструирования российского общества. В статье анализируются результаты авторского исследования, проведённого в 2016 г. в 12 городах России (на базе Всероссийского государственного университета юстиции и его филиалов). Полученные данные, по мнению авторов, доказывают, что среди респондентов фиксируется достаточно высокий уровень субъективного благополучия, а ключевыми ценностями являются справедливость, свобода, поддержание законности и порядка, гражданская инициатива. Для измерения нормативных ожиданий опрашиваемым было предложено охарактери-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии».

зовать при помощи ряда параметров три модели социального воображаемого: «лучшее общество» (утопия), «плохое общество» (антиутопия) и «хорошее общество» (достижимое, пригодное для жизни и развития). В результате были получены индексы проективных запросов на воплощение этих моделей в социальном будущем. Вопреки распространённому мнению о «потребительском» характере ценностных ориентаций современной молодёжи, материальное благополучие оказалось далеко не самым значимым параметром. Наиболее высокое значение получили индексы, коррелирующие с ценностями справедливости, равенства и законности, что свидетельствует об их существенном влиянии на уровень субъективного благополучия респондентов.

Авторами также зафиксировано наличие принципиального расхождения представлений будущих российских юристов о путях достижения справедливости. Индексы постоянно реформируемого общества и консервативного общества практически равны. Косвенно это указывает на наличие глубокого ценностного раскола, свидетельствующего о неуверенности в завтрашнем дне, что подтверждается рядом исследований других авторов.

Ключевые слова: социология, социальное будущее, социальное благополучие, нормативные ожидания, «хорошее общество», проективный социальный запрос, справедливость

Проблематика изучения образов социального будущего весьма остро стоит как перед западными [Урри 2018], так и перед российскими исследователями, и особенно – в преддверии политического транзита власти, который должен завершиться избранием нового президента в 2024 г. [Выборы... 2018]. Как отмечает Н. В. Романовский, наметившийся в последнее время всплеск интереса к ним представляет собой «характерную черту социологии и общественно-исторической панорамы мирового сообщества начала XXI в.» [Романовский 2015: 15]. По нашему мнению, исследования в данном направлении обладают высоким нормотворческим потенциалом, поскольку изучение динамики социальных практик позволяет перейти от диагноза к лечению, одним из вариантов которого выступает трансформация социальной нормативности [Коваль, Ушкин 2020: 162].

В то же время понимание образов социального будущего как в быденном, так и в научном ключе существенно затрудняется ввиду их приватизации, дерегуляции и фрагментации. Как замечает по этому поводу З. Бауман, «как и раньше, мы заняты решением проблем и устройством дел, но ни эти наши занятия, предпринятые в одиночку или коллективно, ни сами дела и проблемы не складываются во что-то целое» [Бауман 1994: 72]. Более того, как показывают результаты ряда российских исследований, из года в год уверенности в завтрашнем дне у наших соотечественников не прибавляется, а показатели социального оптимизма уходят в область негативных ожиданий, нередко подстёгиваемых всевозможными кризисами и ажиотажем вокруг них [Готово ли... 2010: 13; Осянин 2019: 133–134]. В свою очередь усиление чувства опасности и страха за своё будущее может стать причиной моральных паник, основанных на эмотивно-морализаторском дискурсе [Ефанов 2017: 90].

Представляется очевидной взаимосвязь между текущим уровнем благополучия и восприятием будущего. Можно предположить, что здесь действует следующее правило: чем выше расхождения между ними, тем выше поддержка решительных мер по выходу из сложившейся кризисной ситуации; напротив, относительная близость индикаторов указывает на то, что общество разделяет приоритеты стабильности. И, похоже, что дело здесь не в пресловутом социологическом градуснике, который определяет лишь «среднюю температуру по больнице», а в неоднозначном понимании представителями различных групп населения категории субъективного благополучия. Например, для молодёжи важнее материальное благополучие, деловой прагматизм, готовность идти на риск в достижении поставленных целей [Горшков 2019: 22], а для людей пенсионного возраста – здоровье [Алимова, Хизбуллина 2016: 21].

По нашему мнению, релевантным инструментом изучения субъективного благополучия во взаимосвязи с проективными ожиданиями от будущего, который может выступить в качестве «общего места» интересов различных социальных групп, является теоретическая модель «хорошего общества», предлагающая дистанцироваться от утопий и антиутопий, которые, как правило, либо усиливают общее чувство депривированности, либо способствуют формированию и развитию различного рода фобий. В её основе лежит ценностно-нормативная модель социального воображаемого, которая отвечает на вопрос, что необходимо человеку для того, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности, позволяющие ему повысить качество своей жизни в дальнейшем. При этом учитываются как внутренние параметры субъективного благополучия, так и внешние, рассматриваемые в качестве своеобразных универсалий: семья, религия, признание, дружба, социальное доверие, социальный капитал и т. д. [Коваль, Ушкин 2018: 140].

Как отмечает В. А. Луков, термин «хорошее общество» появился в российской социальной науке (главным образом социальной философии и социологии) относительно недавно и представляет собой кальку с английского термина «Good Society» [Луков 2019: 4]. Впервые он был использован У. Липпманом в 1938 г. в работе «Исследование принципов “хорошего общества”», в которой американский исследователь попытался сформулировать новую общественную мораль, ориентированную на ценности свободы, гуманности и антиколлективизма [Lippmann 1937].

Первоначально научное сообщество не восприняло всерьёз попытки внедрения данного термина и относилось к нему с большой долей скептицизма. Но, по мере того, как становилось понятным, что идеалы общества благоденствия труднодостижимы, встал вопрос о том, что может заменить их в краткосрочной перспективе. Собственно, здесь и пригодились идеи, сформулированные теоретиками «хорошего общества», которые впоследствии были высоко оценены западной научной элитой поскольку провоцируют размышления, обсуждаемые на публичном уровне, как жизненно истинные, способные стать основой эффективных проектов [Федотова 2005: 457].

В первую очередь многих исследователей подкупало в «хорошем обществе» то, что оно изначально отталкивалось не от теоретических конструкций, а от эмпирических фактов, которые выявляли реальные потребности людей. По большому счёту, в нём был реализован предложенный Э. Дюркгеймом в работе «Правила социологического метода» принцип, сводящийся к тому, что самые распространённые нормы являются самыми выгодными и пригодными для проживания [Durkheim 1982: 93]. Более того, было убедительно доказано, что спектр значений, вкладываемых в понятия «хорошего» или «плохого», ограничен для повседневности и специализированных областей мышления и деятельности [Федотова 2005: 6–7].

Основные дискуссии вокруг «хорошего общества» и его ценностно-нормативных основ, обеспечивающих членам этого общества достойную жизнь, возможности развития, право на признание и т. д., на Западе развернулись между либералами и коммунитаристами. Представители этих течений стремились представить свой вариант социального воображаемого, принципиально отличный от большинства утопий или антиутопий, поэтому ребром встал вопрос о том, кто должен (и должен ли) обладать монополией на его конструирование [Коваль 2017: 41].

Либеральная модель «хорошего общества» предлагает ориентацию на верховенство закона, признание индивида и обеспечение его прав и свобод, развитые демократические институты, обеспечение достойного уровня жизни каждому члену общества [Lippmann 1937; Galbraith 1997; Ролз 1995; Дворкин 2004; Kenworthy 2017]. Коммунитаристская же характеризуется значимостью общих ценностей для членов сообществ, из которых состоит большое общество; самоуправлением, требующим особых нормативных регуляторов (например, «голос морали» у А. Этциони, «моральная экология» у Р. Беллы, Р. Мадсена и др.); созданием условий для открытых публичных диалогов по ключевым вопросам общественной жизни [Sandel 1982; Макинтайр 2000; Etzioni 2002; Bellah et al. 1992].

В отечественном научном дискурсе популяризацию термина «хорошее общество» предприняла В. Г. Федотова, отмечая особый духовный потенциал наших сограждан. Она подчёркивает, что в современных российских реалиях простая калька западных идей не представляется возможной, нужен их основательный анализ и синтез. Во главу угла, по её мнению, должны быть поставлены такие основные содержательные критерии «хорошего общества», как социальный капитал, межличностные связи и доверие, стабильность, безопасность и возможность развития. Только ориентация на традиционалистские ценности, характерные для нашего общества, может привести к отечественной версии капитализма «с человеческим лицом» без протестантской этики, на иных идеологических основаниях [Федотова 2005: 13].

Таким образом, модели «хорошего общества» сочетают в себе как элементы существующих представлений о том, каким является общество, в котором мы живём, так и элементы должного, проективные представления, интерпретации того, каким общество должно быть,

чтобы в нём можно было не выживать, но жить, и жить достойно. «Хорошее общество» не идеально, но принципиально достижимо, и конструируется, исходя из реальных потребностей людей.

Дизайн исследования

В рамках настоящей статьи мы обратимся к исследованию социального благополучия и нормативных ожиданий российских студентов юридических специальностей и направлений подготовки, которые, по нашему мнению, не только предъявляют определённые требования к проективному субъективному социальному благополучию, но и обладают нормотворческим потенциалом для преобразования и нормативного конструирования российского общества.

Для этого мы используем данные собственного социологического опроса, который был проведён на базе филиалов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в двенадцати городах – Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Махачкале, Москве, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саранске, Туле и Хабаровске. Анкетирование проходило во время аудиторных занятий посредством электронного сервиса Google Forms. Оно проводилось в период с апреля по июль 2016 г. Всего в опросе приняли участие 374 чел. в возрасте от 16 до 46 лет (в т.ч. и те, кто получали второе высшее образование, но таких меньшинство). Выборка квотная, репрезентует будущих юристов по полу, форме обучения и территориальному признаку (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Структура генеральной и выборочной совокупности в филиалах
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
на 2015/16 уч. год, чел.

*Structure of general totality and sample at the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
for the 2015/16 academic year, number of people*

Место обучения	Генеральная совокупность				Выборочная совокупность			
	Очная форма		Заочная форма		Очная форма		Заочная форма	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Ижевск	83	169	293	407	2	4	8	11
Иркутск	257	446	158	374	7	12	4	10
Казань	91	102	127	161	2	3	3	4
Калуга	175	244	142	278	5	6	4	7
Махачкала	483	256	1122	573	13	7	29	15
Москва	400	408	232	372	10	11	6	10
Петрозаводск	103	122	223	263	3	3	6	7
Ростов-на-Дону	83	102	519	632	2	3	14	16
Санкт-Петербург	193	220	348	480	5	6	9	12
Саранск	249	174	510	447	6	5	13	12
Тула	195	192	315	495	5	5	8	13
Хабаровск	58	88	482	529	2	2	13	14
Итого	14 375				374			

Погрешность, рассчитанная для аналогичных показателей случайных выборок, не превышает 5%. Ремонт выборочной совокупности осуществлён посредством разработки весовых коэффициентов для каждой независимой переменной.

Точка отсчёта: как будущие российские юристы оценивают своё текущее самочувствие?

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что в целом респонденты заявляют о достаточно высоком уровне субъективного благополучия, который не зависит от пола, формы обучения или возраста (см. таблицу 2). Впрочем, необходимо отметить, что более половины ответов приходится на тех, кто своей жизнью «скорее удовлетворён». При повышении возраста, вступлении в самостоятельную взрослую жизнь (что особенно заметно среди студентов, получающих второе высшее образование) баланс оценок может смещаться, причём, как показывает практика, в негативную сторону. Компромиссный характер данного индикатора указывает на следующую закономерность: социальное благополучие настанет уже тогда, когда людям удалось избежать несчастья, превозмочь страдания [Фрейд 1992: 75].

Таблица 2 (Table 2)

Как Вы в целом оцениваете ситуацию, сложившуюся конкретно в Вашей жизни?

In general, how do you evaluate your current life situation?

Вариант ответа	%
Полностью удовлетворён	28
Скорее удовлетворён	53
Скорее не удовлетворён	13
Не удовлетворён	3
Затрудняюсь ответить	3

Респонденты демонстрируют достаточно высокий уровень удовлетворённости различными параметрами социального самочувствия: так, 71% удовлетворены материальным положением, 78% – собственным здоровьем и здоровьем членов семьи, 66% – средой обитания, экологией в месте проживания, 66% – возможностями достижения поставленных целей, 76% – персональной свободой, 73% – терпимостью к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, 80% – наличием доверительных отношений в месте проживания (см. таблицу 3). Необходимо отметить, что, как и при использовании прямого индикатора об уровне социального самочувствия, в ответах фиксируется заметное превалирование тех, кто удовлетворены различными сферами своей жизни не полностью, а лишь частично.

Таблица 3 (Table 3)

Насколько Вы удовлетворены следующими сторонами Вашей жизни? %

To what extent are you satisfied with the following aspects of your life? %

	Полностью удовлетворён	Скорее удовлетворён	Скорее не удовлетворён	Не удовлетворён	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	18	53	21	8	1
Состояние Вашего здоровья и здоровья членов Вашей семьи	21	57	19	2	1
Среда обитания, экология в месте Вашего проживания	16	50	29	3	1
Возможности достижения поставленных целей	14	52	29	5	1
Персональная свобода (свобода слова, свобода вероисповедания и т. д.)	23	53	14	9	2
Терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям	21	52	14	9	3
Наличие доверительных отношений в месте Вашего проживания	25	55	14	3	3

Минимальные требования: что будущие российские юристы желают видеть в своём социальном будущем?

Для определения контуров минимально допустимого желаемого будущего респондентам был предложен вопрос о том, какие характеристики они соотносят с различными типами обществ («лучшим», «хорошим», «плохим»). Предварительно было дано пояснение о том, что представляет собой «хорошее общество» – общество, достижимое и пригодное для полноценной, плодотворной жизни [Galbraith 1997]. Несмотря на относительно высокий уровень социального самочувствия, фиксируются достаточно разнонаправленные тенденции в понимании признаков, характеризующих те или иные общества (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Какие признаки, по Вашему мнению, в большей степени характеризуют различные типы обществ? %

In your opinion, which characteristics define various types of society to a greater extent? %

	«Лучшее» общество	«Хорошее» общество	«Плохое» общество
Общество равных возможностей	46	52	2
Общество разных возможностей	18	49	32
Общество, справедливое для всех	59	38	2
Общество, справедливое для большинства	14	52	34
Общество, справедливое для групп меньшинств	11	39	51
Общество богатых людей	16	45	39
Общество, где обеспечивается минимальный уровень достатка	17	57	26
Общество, в котором доминирует культура большинства	17	44	35
Общество, в котором доминируют культуры групп меньшинств	11	25	64
Общество, в котором все культуры имеют равную значимость (мультикультурное)	51	42	7
Многоязычное и многоконфессиональное общество	39	45	16
Общество, в котором установлена официальная религия	14	34	52
Общество, в котором политические, материальные и другие преимущества имеет титульная нация	13	27	61
Общество, в котором большинство соблюдает законы	52	43	6
Общество, в котором большинство следует нормам морали	46	40	9
Общество, в котором порядок обеспечивается силой государственного принуждения	13	55	32
Общество, в котором порядок обеспечивается гражданами	40	48	12
Общество, в котором постоянно проводятся реформы	19	52	29
Консервативное общество	17	46	36

На основании полученных данных можно описать следующий обобщённый образ ожидаемого «хорошего общества», сформированный среди будущих юристов и, по большому счёту, представляющий тот минимум макросоциальных параметров, которые требуются для достижения счастья. Базовыми его составляющими являются ориентация на справедливость, равенство возможностей, мультикультурность, многонациональность и многоконфессиональность, законность и активная позиция граждан в поддержании социального порядка.

Поскольку рассматриваемые индикаторы представляют собой проективный показатель, нами были составлены авторские индексы желательности в структуре социального воображаемого того или иного атрибута.

Для этого «плохому» обществу присвоен коэффициент 0,1, «хорошему» – 0,5, «лучшему» – 0,9. Индексы измеряются в пунктах и могут колебаться от 10 до 90. Чем выше значение индексов, тем выше желательность измеряемого ими критерия (см. рис. 1).

Рис. 1. Индексы желательности атрибутов социального воображаемого, пункты
 Figure 1. Desirability indexes for attributes of a supposed ideal society, items

Расположив рассматриваемые параметры по шкале «худшее общество – лучшее общество» мы получили получены индексы проективных социальных запросов на их воплощение. Наибольшую потребность респонденты испытывают в справедливости (здесь высокое значение имеют сразу

два индекса: 72,3 пункта – «общество, справедливое для всех» и 67,6 пункта – «общество равных возможностей») и законности (68,9 пункта). Если будет обеспечена достижимость справедливости для всех, равных возможностей и соблюдения законов большинством граждан, это повлечёт за собой рост уровня субъективного благополучия респондентов. Парадоксальным образом материальное благополучие отодвигается ими на второй или даже третий план (параметры, касающиеся материального благосостояния членов «хорошего общества», по значимости не превышают 50 пунктов: 40,8 пункта – «общество богатых людей» и 46,4 пункта – «общество, где обеспечивается минимальный уровень достатка»).

Несмотря на то, что ценность социальной справедливости не вызывает существенных разногласий среди респондентов, пути её достижения, по всей видимости, разнятся: в частности, индексы постоянно реформирующегося общества (46,0 пункта) и консервативного общества (41,9 пункта) сопоставимы по величине¹. При этом высокое значение имеют такие параметры, как мультикультурность (67,6 пункта), многонациональность и многоконфессиональность (59,2 пункта) и соблюдение большинством норм морали (62,3 пункта).

Примечательно, что контуры становления «хорошего общества» прослеживаются в нашей стране уже сейчас. Большая часть респондентов (62%) считают, что современную ситуацию пусть и нельзя назвать идеальной, но складывающиеся условия пригодны для жизни и способствуют соблюдению основных социальных норм. Каждый третий (31%) придерживается прямо противоположных взглядов, что обеспечивается преимущественно низкими оценками субъективного социального благополучия (см. таблицу 5). Относительно высокий уровень соответствия нашего общества представлениям о хорошем позволяет констатировать, что среди будущих российских юристов просматривается «горизонт ценностей», который в перспективе позволит им перешагнуть на следующую ступень пирамиды Маслоу [Maslow 1954]. Вполне очевидно, что опрошенные не являются специалистами в области философии или этики, чтобы свободно оперировать предлагаемой им терминологией, но тем ценнее представляются знания, «основанные на здравом смысле» [Бергер 2019: 43].

Таблица 5 (Table 5)

Соответствие современного российского общества определению «хорошее общество»
Modern Russian society's alignment with the definition of a "good society"

Вариант ответа	%
Полностью соответствует	12
Скорее соответствует	50
Скорее не соответствует	21
Не соответствует	10
Затрудняюсь ответить	7

¹ Подобный раскол относительно понимания справедливости фиксируется и в общероссийских исследованиях, выполненных под руководством специалистов ИС РАН [Российское ... 2017: 240]

Заключение

Проведённое исследование свидетельствует о том, что будущие российские юристы высоко оценивают уровень своего социального благополучия как в целом, так и в контексте его отдельных параметров (состояние здоровья и экологической ситуации, возможность личностного роста, материальный достаток, а также уровни свободы, доверия и толерантности). Однако, учитывая значительное количество тех, кто не уверен в своих ответах, в ближайшей перспективе возможны изменения социального воображаемого с далеко идущими последствиями. Наше исследование – это определённый срез, который позволяет только обозначить образы социального будущего в представлениях будущих российских юристов, но для детального исследования уровня удовлетворённости жизнью необходимы регулярные панельные (или хотя бы мониторинговые) замеры.

Тем не менее в контексте достижимых контуров социального будущего на первый план у респондентов выходят такие ценности и ориентиры, как справедливость, свобода, поддержание законности и порядка, гражданская инициатива, которые являются атрибутивными свойствами социального правового государства. С одной стороны, уход от простых вопросов усложняет интерпретацию полученных результатов, но, с другой стороны, изучение образов будущего позволяет абстрагироваться от ряда стереотипных представлений, например, о безусловном доминировании материального фактора над всеми остальными. В то же время полученные данные показывают, что спор о том, каким должно быть «хорошее общество», сегодня из области сугубо научного знания переносится в структуру повседневности, разделяя российское общество на условных либералов и коммуитаристов.

Срединный путь, который консолидировал бы и тех, и других, в ближайшей перспективе тяжело просматривается, несмотря на существующие попытки ценностного наполнения модели «хорошего общества» специфичными для нашей страны элементами. В частности, необходим реальный, а не декларируемый возврат в сферу политического идей гражданственности и общего блага, без реализации которых невозможны полноценное функционирование высокоорганизованных политических институтов и экономическое развитие [Бэнфилд 2019; Ивашковский 2017]. По большому счёту, требуется масштабное обсуждение того, куда нашей стране предстоит двигаться, которое бы затрагивало все без исключения социальные группы и позволило бы своевременно обновить и надстроить перечень базовых ценностей «хорошего общества» на ближайшую перспективу.

Библиографический список

Алимова О. В., Хизбуллина Р. Р. 2016. Особенности ценностных ориентаций и досуговой деятельности пенсионеров в современных условиях // Теория и практика современной науки. № 9 (15). С. 20–23.

Бауман З. 1994. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. № 4. С. 69–80.

Бергер П. 2019. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение. 208 с.

Бэнфилд Э. 2019. Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство. 216 с.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под ред. В. В. Фёдорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 440 с.

Горшков М. К. 2019. Российская молодёжь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. Т. 8 (38). № 4. С. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. 344 с.

Дворкин Р. 2004. О правах всерьёз. М.: РОССПЭН. 392 с.

Ефанов А. А. 2017. Эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (47). С. 88–93.

Ивашковский С. Н. 2017. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 268–290. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290>

Коваль Е. А. 2017. Модель современного российского «хорошего общества»: проблемы конструирования // Философия и общество. № 2. С. 40–51.

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. 2018. Пути России в будущее: готово ли российское общество стать хорошим? // Социологические исследования. № 2. С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. 2020. Будущее исследований будущего: от технократии к новым моделям социальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 1. С. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169>

Луков В. А. 2019. «Хорошее общество» и «цифровое общество» // Горизонты гуманитарного знания. № 3. С. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1>

Макинтайр А. 2000. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 384 с.

Осянин А. Н. 2019. Структура общественных настроений и ожиданий граждан как индикатор социального самочувствия: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2 (50). С. 130–140. DOI: <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-13>

Ролз Дж. 1995. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета. 535 с.

Романовский Н. В. 2015. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. № 11. С. 13–22.

- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
- Урри Дж. 2018. Как выглядит будущее? М.: Дело. 320 с.
- Федотова В. Г. 2005. Хорошее общество. М.: Прогресс–Традиция. 544 с.
- Фрейд З. 1992. Психоанализ. Религия. Культура / Пер. с нем., сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс. 296 с.
- Bellah R. N., Madsen R., Tipton S. M., Sullivan W. M., Swidler A. 1992. *The Good Society*. NY: Vintage. 368 p.
- Durkheim E. 1982. *The Rules of Sociological Method*. N.Y., London, Toronto: Free Press. 272 p.
- Etzioni A. 2002. *The Good Society* // *Seattle Journal of Social Justice*. Vol. 1. № 1. P. 83–96.
- Galbraith J. K. 1997. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, New York: Mariner Books. 152 p.
- Kenworthy L. 2017. Why the Surge in Income Inequality? // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. Vol. 46. № 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/0094306116681789>
- Lippmann W. 1937. *An Inquiry into the Principles of the Good Society*. Boston: Little, Brown & Co. 402 p.
- Maslow A. 1954. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Brothers. 411 p.
- Sandel M. 1982. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.

Статья поступила 17.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия.

Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела научных исследований, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

The Future of Society According to Future Russian Lawyers

Sergey G. Ushkin

Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

E-mail: ushkinsergey@gmail.com

ORCID ID: 0000000343176615

Ekaterina A. Koval

MidVolga Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

E-mail: nwifesc@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0069-5335

For citation: Ushkin S. G., Koval E. A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Abstract. This article shows that studying the views of future Russian lawyers on the projective future of society is a relevant development, since this particular socio-professional group does not only put forward certain demands in regards to projective subjective social wellbeing, but also possesses the lawmaking potential necessary for the transformation and normative engineering of Russian society.

The article analyzes the results of the author's own research, conducted in 2016 in 12 cities of Russia (based on All-Russian State University of Justice and its subsidiaries). According to the author, the results of research in the field reveal a relatively high level of subjective wellbeing registered among the respondents, with their core values being justice, freedom, upholding law and order, public initiative.

In order to measure normative expectations, those surveyed were offered to characterize three models of a supposed society using an array of parameters: "the best society" (utopian), "a bad society" (dystopian) and "a good society" (one that's attainable and suitable for life and personal growth). As a result, certain projective requirement indexes were obtained for implementing these models in a future society. It came as somewhat of a surprise that, in spite of the widespread belief that the value orientations of modern youth have a "consumer" nature to them, material wellbeing turned out to be far from the most significant parameter. The highest values were shown by indexes which correlated with such virtues as justice, equality and lawfulness, which speaks to their considerable influence on the respondents' evaluation of their subjective wellbeing.

The authors also noticed a fundamental difference when it comes to future Russian lawyers' thoughts on the paths towards attaining justice. The indexes for a society constantly subject to reform and a conservative society were practically on the same level. This indirectly points to the existence of a deeply rooted divide when it comes to values, indicating that people are looking into the future with uncertainty, which is proven by a multitude of studies done by other authors.

Keywords: sociology, social future, social well-being, normativity expectations, «Good Society», projective social inquiry, justice

References

Alimova O.V., Khizbullina R.R. Features of Valuable Orientations and Leisure Activities of Pensioners in Modern Conditions. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki = Theory and Practice of Modern Science*, 2016: 9 (15): 20–23 (In Russ.).

Bauman Z. Postmodern Controversy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 1994: 4: 69–80 (In Russ.).

Bellah R.N., Madsen R., Tipton S.M., Sullivan W.M., Swidler A. *The Good Society*. N.Y., Vintage, 1992: 368.

Benfield E. Moral Basis of a Backward Society. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2019: 216 (In Russ.).

Berger P. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019: 208 (In Russ.).

Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. New York; London; Toronto, Free Press, 1982: 272.

Dworkin R. Taking Rights Seriously. Moscow, ROSSPEN, 2004: 392 (In Russ.).

Efanov A.A. Emotive-moralistic Discourse as a Technology for Constructing Moral Panics. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Science*, 2017: 3: 88–93 (In Russ.).

Elections against the Crimea Background the 2016–2018 Electoral Cycle and Prospects for Political Transit. Ed. by V.V. Fiodorov. Moscow, WCIOM publ., 2018: 440 (In Russ.).

Etzioni A. The Good Society. *Seattle Journal of Social Justice*, 2002: 1 (1): 83–96.

- Fedotova V.G. A Good Society. Moscow, Progress–Tradiciya, 2005: 544 (In Russ.).
- Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture. Moscow, Rennessans, 1992: 296 (In Russ.).
- Galbraith J.K. The Good Society: The Humane Agenda. Boston; New York, Mariner Books, 1997: 152.
- Gorshkov M.K. Russian Youth: to the History and Role in Modern Society. Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia, 2019: 4: 16–25 (In Russ.). DOI: [10.23683/2227-8656.2019.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1)
- Is Russian society ready for modernization? Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2010: 344 (In Russ.).
- Ivashkovsky S.N. Economy as a phenomenon of culture: theoretical and methodological analysis. Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations, 2017: 3: 268–290 (In Russ.).
- Kenworthy L. Why the Surge in Income Inequality? Contemporary Sociology: A Journal of Reviews, 2017: 46 (1): 1–9. DOI: [10.1177/0094306116681789](https://doi.org/10.1177/0094306116681789)
- Koval E.A, Ushkin S.G. Future Research of the Future: from Technocracy to New Models of Sociality. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology, 2020: 20 (1): 161–169. DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169) (In Russ.)
- Koval E.A, Ushkin S.G. Russia's Paths in the Future: is our Society Ready to become a «Good Society»? Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2018: 2: 136–145 (In Russ.)
- Koval E.A. Model of the Modern Russian «Good Society»: Construction Problems. Filosofija i Obschestvo = Philosophy and Society, 2017: 2: 40–51 (In Russ.)
- Lippmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston, Little, Brown & Co., 1937: 402.
- Lukov V.A. The «Good Society» and the «Digital Society». Gorizonty gumanitarnogo znaniya = The Horizons of Humanities Knowledge, 2019: 3: 3–15 (In Russ.). DOI: [10.17805/ggz.2019.3.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1)
- MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Moscow, Akademicheskyy proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2000: 384 (In Russ.).
- Maslow A. Motivation and Personality. New York, Harper & Brothers, 1954: 411.
- Osianin A.N. A Structure of Public Moods and Expectations of Citizens as an Indicator of Social Well-being: a Comparative Analysis. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences, 2019: 2: 130–140 (In Russ.). DOI: [10.21685/2072-3016-2019-2-13](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-13)
- Rawls J. A Theory of Justice. Novosibirsk, NSU publ., 1995: 535 (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. Future as a Problem of Contemporary Sociology. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2015: 11: 13–22 (In Russ.).
- Russian society and challenges of the time. Book five. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2017: 427 (In Russ.).
- Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, Cambridge University Press, 1992: 252.
- Urry J. What is the Future? Moscow, Delo, 2018: 320 (In Russ.)

The article was submitted on: February 17. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ushkin Sergey Gennadievich, Candidate of Sociological Science,
 Leading Researcher of the Social Processes Monitoring Department of the Scientific
 Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia
 Koval Ekaterina Aleksandrovna, Doctor of Philosophical Science,
 Principal Researcher of the Research Department, Middle-Volga Institute –
 branch of All-Russian State University of Justice
 (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, Saransk, Russia